

A man in a dark blue suit and light blue tie holds a silver handgun. He is looking towards the camera with a serious expression. A woman with long brown hair, wearing a white lace dress, is leaning against him, also looking towards the camera. The background is a blurred interior with warm lighting.

Убей соседа...
Хроника
недавнего
времени

Андрей Ланиус

18+

Андрей Ланиус
Убей соседа... Хроника
недавнего времени
Серия «Хроники недавнего
времени», книга 25

*<https://litres.ru/57436887>
SelfPub; 2026*

Аннотация

Учебник для молодых мужей. В руках жены эффективны два вида оружия - шантаж своей доступной соблазнительной привлекательностью и упреки типа "Говорила мне мама!"

Содержание

Глава	4
Тяжкие думы верного мужа	5
Игра верной жены	10
Дом на краю парка	22
Почему бы и нет?	33
Журналист и одинокая женщина	46
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Убей соседа... Хроника недавнего времени

Глава

Тяжкие думы верного мужа

Супруги Завесовы завтракали в своей комнате.

– И это называется кофе! Просто какая-то бурда! – Тамара отставила чашку так резко,

что немного жидкости выплеснулось на клеенку. – Вот блин! – в сердцах выбранилась молодая женщина.

Геннадий отозвался покладисто:

– Лиманская бы тебя сейчас не одобрила.

– А я и не нуждаюсь в одобрении каждой шизофренички!

– Милая, ты просто сердисься, – спокойно заметил он. –

Между прочим, тебе это не идет.

– Очень ценное наблюдение! Нет, милый, я не сержусь!

Сердитой ты меня еще не видел... – она порывисто поднялась, ударившись бедром об угол стола, поморщилась от боли, отшвырнула стул: – Бл-лин горелый! Понаставлено кругом, понатыкано, не повернешься! Базар-вокзал, а не дом! Надоело все! У-ух, как надоело! – она прошла к платяному шкафу, на ходу сбрасывая халатик, под которым не было ничего. Выдвинула нижний ящик, склонилась над ним: – Ну, где вы там, мои штопаные-перештопаные колготки, ау?!

У нее была чуточку приземистая, широковатая в плечах, но приятных пропорций фигура с полновесными округлостями, сухощавыми лодыжками и маленькими ступнями.

Супруги Завесовы были женаты без малого одиннадцать лет, но до сих пор нагота жены распалила воображение мужа. Вот и в эту минуту ее случайная поза взволновала его плоть. Но он знал, что затевать сейчас любовную игру было бы непростительной ошибкой. Возможно, есть женщины, чье утреннее раздражение тает от первой же ласки.

Тамара, увы, не из их числа. Проверено: мины есть, взрываются без предупреждения.

Вот она уже надела трусики, застегнула бюстгалтер.

Геннадий вздохнул. Давно ли у них с сексом не было никаких проблем? Только намеки... А нынче он неделями сидит на голодном пайке. То у нее голова болит, то женские праздники, то пятое, то десятое... Но это еще что! Как-то раз ему показалось, что он основательно завел ее, а она в самый горячий момент вдруг заявляет: «Не забыть бы заплатить за квартиру...» Хоть любовницу заводил! Другой на его месте давно завел бы. Он, Геннадий Завесов, – парень видный, девушки на улице засматриваются, да и в своей конторе нашлись бы желающие... Но он не хочет никаких любовниц. Он однолюб по природе. Он любит только Тамару и надеется, что скоро у них всё наладится, всё будет, как было еще недавно. И даже лучше.

– Наш Нуличкин опять едет в турпоездку, – желчно сообщила Тамара, выходя из-за дверцы шкафа на центр комнаты. Сейчас на ней были светлокоричневые вельветовые брючки и алая кофточка, удачно гармонирующие с ее дымчато-пе-

пельными волосами – пышными, вьющимися от природы. – Уже в седьмой раз. Теперь Италия – Франция. Вот зараза! Ничего ведь из себя мужик не представляет, прямо по фамилии – Нуличкин и есть, а катается как сыр в масле! Удачливое ничтожество! Все куда-то едут, чего-то покупают... А вот мы, с нашими талантами, так, наверное, и состаримся в этой чертовой коммуналке! Сереженьке уже десять, Диме – девять... Не успеем оглянуться, как станем бабкой и дедом. Так ничего и не добившись в жизни, нигде не побывав, ничему не порадовавшись...

– Томчик, ну не нагнетай, а? – попросил он. – Я же тысячу раз тебе предлагал: давай возьмем тебе путевку в Финляндию и Швецию. Тут же рядом. У нас многие ездили – куча впечатлений!

– Ага! У нас проблем – выше крыши, а я буду по границам разъезжать! Нет, милый! Отдыхается хорошо, когда у тебя тылы обеспечены. А без этого, извини, мало радости...

– Так-так-так... Ну какие еще проблемы, Томчик?!

– По-твоему, у нас нет проблем?! И это говоришь ты, мужчина?! Всё! Я побежала! Не провожай меня! Я сама!

Даже не подставив ему щечку для поцелуя, она вышла, хлопнув дверью.

Некоторое время он вслушивался, как стучат по лесенке ее каблучки.

Да, проблема у них есть, думал он, машинально вертя перед собой пустую чашку. Только совсем не та, на которую

нажимает Тамара. Их настоящая проблема – постель. Интим. Секс. Траханье до умопомрачения. Вернее, отсутствие такового. Отсутствие регулярности в этом вопросе, скажем для точности так. А ему хочется. Хочется вечером, ночью, утром. Хочется всё время. До минувшего лета и ей тоже хотелось. И вдруг всё как отрезало...

Он снова вздохнул.

Нет, не вдруг, конечно. Он всё понимает. Соперник? Ерунда, нет у него никакого соперника. Тут совсем другое.

Просто с некоторых пор у Тамары появилась навязчивая идея относительно удачи. Дескать, можно быть умным, образованным, порядочным, трудолюбивым, но успеха в жизни так и не добиться, потому что нет удачи. А свою удачу надо еще уметь встретить...

И вот прошлым летом удача постучалась в их дом. И даже перенесла уже ногу через порог. А затем вдруг передумала, резко развернулась и ушла к кому-то другому. И получается так, будто это именно он, Геннадий, не умел удержать ее у своего крыльца.

Вот тут-то в Тамаре и взорвалась какая-то мина. Да с таким треском и грохотом, что эхо никак не уляжется до сей поры.

Но уляжется же оно когда-нибудь. Может, очень скоро. И вообще, не за горами тот день, когда удача снова постучит в их дверь. Уж теперь он ее не упустит. Он сильный мужчина, удержит!

А пока что надо перетерпеть все эти Тамарины взбрыкивания. И уж точно – не отвечать на них тем же. Не изображать обиженного. Напротив, он должен окружить ее заботой и вниманием. Лаской. И тогда она оттаяет. Должна оттаять...

Игра верной жены

Спустя примерно неделю, в такое же сумрачное октябрьское утро, Геннадий лежал на кровати у стены, из-за которой доносились приглушенные звуки – там, в их второй комнате, Тамара собирала детей в школу. Сегодня была ее очередь. Накануне Геннадий вернулся с дежурства, как обычно, поздно, и, по заведенному в семье распорядку, имел нынче право отсыпаться до полудня.

Но спать он не мог. Вот уже несколько дней (и ночей тоже!) Тамара была необычайно ласкова. Неужели началось великое таяние льдов? Как же тут заснуть?!

Вот тихо отворилась дверь, на цыпочках вошла Тамара, включила ночник.

– Врубай верхний свет, – подал он голос. – Я все равно не сплю. Проводила пацанов?

– Ой, слушай, я сейчас так смеялась! Сережа рассказывал, как выиграл пари на школьном дворе. Поспорил с ребятами, что присядет на одной ноге сорок раз. Ну, никто не верит! Шум-гам, тут и старшеклассники заинтересовались. На смех его подняли! А он взял и присел пятьдесят раз подряд! Даже взрослые ребята рты пораскрывали, представляешь?! Он такой сильный, весь в тебя! Я за него спокойна, он сумеет за себя постоять!

– Да и Димка у нас парень перспективный, – ответил муж.
– Спортсмена, правда, из него не получится, ну так что за беда?! Зато он, наверняка, будет классным программистом. А эти ребята всегда в цене.

– Ой, Димочка такой умничка... Но уж слишком много сидит за компьютером! – она шутливо вздохнула: – Называется, купили детям игрушку! Я думала, им с компьютером будет к урокам готовиться легче, а они просто играют в какие-то виртуальные игры! Серенький, правда, быстро охладел. А Дима только во вкус вошел. Оторваться не может!

– Ну и пусть играет, – благодушно ответил Гена. – Игра развивает воображение. Я читал где-то.

– В Пашиной газете?

– Может, и в Пашиной...

– Я включу телевизор, ладно? Потихоньку.

– Да хоть на полную катушку!

– Ну, как знаешь... – она включила развлекательный канал и, негромко подпевая, закружилась по комнате под мелодию с экрана. – Ладно, нужно принарядиться и скакать на работу! – открыла дверцу шкафа и скрылась за ней, продолжая напевать.

– Давай так, – предложил он. – Ты смотри телевизор, а я буду смотреть, как ты одеваешься.

– Ладно, – не стала спорить она. – Почему бы не доставить любимому мужу маленькую радость? – держа белье, она вышла, голая, из-за дверцы и дразнящей походкой подошла

вплотную.

– Ох, Томчик! – выдохнул он. – До чего же я люблю, когда ты такая раскованная...

– И я люблю, Генчик, когда ты такой ласковый... Извини, если я иногда нервничаю. Капризы бабской психики, ну что тут поделаешь?!

Он притянул ее к себе.

Она мягко отстранилась:

– Ой, Генчик, мне тебя жалко. Я тебя сегодня совсем измучила. Но вечером можно повторить, если хочешь.

– Да я и сейчас готов, смотри! – он отбросил одеяло.

– Вот бессовестный! – рассмеялась она, отступая всё же на шаг назад. – Тут ее улыбка погасла, и она произнесла уже другим, совсем не игривым тоном и будто бы делая даже над собой усилие. – Гена, я хочу с тобой поговорить на одну тему. Вернее, предложить тебе одну идею...

– Ну так давай! Всегда – пожалуйста...

Пауза.

– Н-нет... В другой раз!

– Хозяин барин. Пусть будет в другой раз.

Снова пауза, но короче.

– Ладно, скажу сейчас. Только отнесись серьезно... И не считай меня сумасшедшей, ладно?

– Когда это я считал тебя сумасшедшей? Ты – моя умница-разумница!

Снова пауза. (Совсем не в ее характере!)

– Ну? – не выдержал он, встревожившись вдруг.

Она остановилась под люстрой. Искусственное освещение подчеркивало выразительность ее зеленоватых глаз, оттененных косметикой, матовую белизну кожи и почти скрадывало некоторую тяжеловатость ее нижней челюсти.

– Милый, я верю, что у нас всё будет хорошо. Что в наш дом всё же постучится удача...

– О, господи! Да конечно же! К чему такая запевка?!

– И у тебя тоже всё будет хорошо. Твоё дело реализуется. Обязательно. А я тебе помогу во всем.

– Я очень рад, Тамара, что ты это говоришь, но...

– Но это будет летом, – продолжала она вытягивать некую нить. – А до лета так долго ждать! Сейчас только начало октября. Вся наша тоскливая питерская зима впереди. Да и осень тоже.

– Что тут поделаешь, милая?! Ты ведь знаешь, что к делу я могу приступить только летом.

– Знаю, Гена. Поэтому предлагаю одну вещь, которая поможет нам скоротать долгие осенние и зимние вечера.

– Разве у нас нет занятий для вечеров? – он протянул к ней руку.

– Есть, конечно. Но этого мало.

– Ладно, предлагай.

– Давай поиграем в одну игру. Только не перебивай, выслушай до конца! Это я не сама придумала. Встретила на днях бывшую одноклассницу, ну, Жанну Гунькину, правда,

она сейчас снова замужем и уже в третий раз поменяла фамилию, но для меня она всегда останется Гунькиной... Так вот. Зашли в кафешку и немного пошептались по душам. Она, оказывается, врач-психолог, вот и посоветовала. Сейчас такие игры – ролевые – в моде. Особенно, в семьях с большим стажем. А мы всё же женаты больше десяти лет.

– Значит, игра? И что же это за игра? Если сексуальная, то я обеими руками – за!

– Гена, ну давай серьезно! Игра должна быть основана на главной семейной проблеме.

– Ну и какая же у нас главная семейная проблема?

– Ты и сам прекрасно знаешь, милый: отсутствие удачи! Мы никак не можем вырваться из заколдованного круга именно потому, что нам фатально не везет. Ни в чем! Вспомни прошлое лето!

– Так-так-так... Дай-ка сообразить... Из заколдованного круга, говоришь? Фатально не везет? Значит, мы будем изображать счастливых, которым везет всегда и во всем? Так глубоко влезем в эту шкуру, что нам начнет везти по-настоящему?

– Нет, Гена, – мягко возразила Тамара. К тому, кто ждёт у моря погоды, удача не приходит. Она ведь дама капризная. Ее нужно ублажить. Завлечь. Каким-нибудь оригинальным сюжетом. Даже невероятным. Чем невероятнее, тем лучше. Вот тогда она, удача, может клюнуть на приманку и пожаловать в гости. Сама.

– Хм! Звучит неплохо, но что-то я никак не врублюсь...

– Кроме того, – с таинственным видом продолжала Тамара, – такая игра помогает сбросить негативную энергетику. Тоже ведь не лишнее.

– Это точно, – кивнул Геннадий. – И всё это можно как-то совместить, да? Завлечь удачу и сбросить негатив?

– Можно, милый! Проще, чем кажется.

– Так растолкуй.

– Ну вот, смотри. Берем конкретную проблему: жильё. У нас – коммуналка, в которой, кроме нас, прописаны еще двое квартиросъемщиков. Лиманская Лидолия Николаевна и Паша Плафонов. Неважно – хорошие они или плохие. Важно то, что мы хотим жить отдельно, без них. Но сами по себе они никуда отсюда не денутся. Расселить их мы тоже не сможем – у нас нет таких денег. Что же нам остается? Что предпринять, чтобы эти люди и исчезли из нашей жизни?

– Что?

– А вот что: Пашку убить, а Лиманскую упечь в психушку!
– твердо проговорила Тамара.

Геннадий так и подпрыгнул на кровати:

– Томка! Ну ты даешь!

Тамара коротко рассмеялась:

– Чего перепугался, глупенький? Это только игра. Просто игра. Мы как бы достигаем поставленной цели – хотя бы в виде спектакля. И весьма вероятно, что в качестве зрителя на наш спектакль пожалует госпожа удача. А вдруг мы по-

нравимся ей? Попутно я избавляюсь от негативной энергетики. Ты же знаешь, как меня раздражает Пашка! Видеть не могу этого типа! Ну? Согласись, в этой игре есть острота. Такой перчик.

Возникла пауза.

– Между прочим, – нарушил молчание Геннадий, – наши две комнаты хоть завтра можно обменять на двухкомнатную квартиру где-нибудь в Купчино или в Сосновой Поляне. И убивать никого не надо.

– Ага, у черта на куличках! Нет, милый, я не собираюсь никуда переезжать из нашего района. Здесь я спокойна за детей – школа рядом, не надо пользоваться лифтом – вот нашу Анну Васильевну из отдела маркетинга ограбили в лифте, она уже боится входить в собственный подъезд! А тут – весь транспорт под боком, метро – в пяти минутах, соседи по улице – все знакомые... Нет, меняться мы не будем! И вообще, Геннадий Васильевич, я ведь вам не обмен предложила и уж, конечно, не убийство соседа, а игру!

– Странная какая-то игра... Это тебе твоя Жанна Гунькина насоветовала?

– Жанна рассказала мне о ролевых играх в общих чертах, а эту игру я придумала сама – в одну минуту – когда шла через парк. Вот какая у вас кровожадная и коварная жена, Геннадий Васильевич! Не боитесь спать с ней под одним одеялом? – она взяла его ладонь и прижала к курчавой поросли на своем лобке. – Ген-чик! Очнись! Это иг-ра! Игр-р-р-

р-ра!!! Для долгих зимних вечеров. А летом ты раскрутишь свой бизнес, еще через пару лет у нас появятся деньги, и мы купим Пашке отдельную квартиру, если он к тому времени не сопьется окончательно. Что скажешь, дорогой муженек?

– Ч-черт... Как-то не могу врубиться... – его ладонь всё энергичнее оглаживала ее промежность.

– Фактически игра называется «Убей соседа!», – она наклонилась и потерлась налитой грудью о его щеку. – Так ты согласен поиграть в игру «Убей соседа!»? С острым перчиком? Да или нет?

Он поймал губами ее коричневый сосок и на какое-то время диалог прекратился.

Но вот Тамара отпрянула назад и выжидающе замерла.

– Давай попробуем, – выдохнул он, всё еще взбудораженный ее спонтанной лаской. – Мало ли во что играет сейчас народ! Давай сыграем в твою игру. Тем более, что ее никогда не поздно остановить.

– Нет! – возразила она. – Играть так играть! По настоящему! Иначе это – простое ребячество. Жанна сказала, что игра должна создавать впечатление реальности. – Она картинно повела плечами. – И вот что еще, Геннадий Васильевич... Ты назвал эту игру моей... Пусть так. Но если ты будешь хорошо играть в МОЮ игру, то я обещаю очень хорошо играть в ТВОЮ любимую игру – ты меня понял, да?:

– Томчик, тогда я – за! Обеими руками!

– Значит, играем?

– Играем!

Тамара снова приблизилась и порывисто поцеловала его:

– Спасибо, что согласился! А то я боялась, что ты поднимешь меня на смех! Ну, всё, Генчик, пусти! Мне надо одеваться. А вечером ты получишь всё, что только пожелаешь. И во все другие вечера тоже. И по утрам, если только у тебя останутся силы.

– Да у меня сил – девать некуда!

– Ах, ты, мой миленький половой гигант! Я так счастлива, Генчик, что ты рядом! Обещаю, больше ты ни разу не услышишь от меня отказа! Я ведь видела, как ты мучаешься... Ну, всё! Пусти, мой хороший... Мне надо одеваться.

Она отошла к стулу, на котором была сложена ее одежда.

– Ладно, с чего же мы начнем? – спросил Геннадий. – Каким способом будем «мочить» Пашку?

– Если помнишь, в январе он едва сам себя не замочил...

– Да-а... Нахлебался тогда Пашенька паленой водяры досыта... Точно скопытился бы, не окажись мы рядом.

Тамара вздохнула, застегивая пояс:

– Какими же дураками мы были! Всего-то и надо было – ничего не делать. И комната отошла бы нам. А мы откачивали этого алкаша как родного, вытирали за ним блевотину, вызывали «скорую»...

– Ну, что ты, Томочка! Мы всё сделали правильно. По-соседски. По-людски. Ладно. Значит, будем якобы травить его водкой?

– Что ты, Гена! Разве можно так подставляться?! Это же сразу вызовет подозрения! Убить надо так, чтобы на нас никто не подумал, особенно его стервозная сестрица и ее муженек в лампасах!

– Сбить мотоциклом? Столкнуть под поезд метро? Облить бензином и поджечь? – Геннадий явно иронизировал. – Может, у тебя есть подходящая идея? – характерным жестом он пригладил обеими руками свою шевелюру.

– Может, и есть, – улыбнулась она. – И знаешь, что самое пикантное? Способ этот я вычитала в Пашкиной же газете. Это будет такое элегантно зимнее убийство.

– Зимнее?

– Ну да. Нужно же время на подготовку.

– Поэтому зимнее?

– Нет, еще и потому что оно возможно только зимой.

– Хм! Что же это за убийство?!

– Посмотри сам! – она с таинственным видом достала из своей сумочки сложенную вчетверо бульварную газету небольшого формата: – Читай! Читай вслух! Обведенное оранжевым фломастером!

Он повертел газету в руках:

– Точно, Пашкина... « Питерские страшилки и заморочки ». Да еще старая! Позапрошлогодня!

Тамара пожала плечами:

– Не суть! Мне понадобилось завернуть туфли, и я взяла в чулане старую газету. Первую попавшуюся. И вдруг на глаза

попалась именно эта заметка... Читай!

Геннадий разгладил страницу ладонью и прочитал:

ОСТОРОЖНО, ОТТЕПЕЛЬ!

Несмотря на капризную погоду, сорокапятилетний мужчина прогуливался беспечно в центральной части города, в двух шагах от Невского проспекта. Внезапно с крыши здания сорвалась гигантская сосулька и упала ему на голову. С диагнозом «черепно-мозговая травма» пострадавшего доставили в Мариинскую больницу, где через несколько часов, не приходя в сознание, несчастный скончался...

– Так-так-так... Дальше пинают жилконтору, дворников, но это уже – мертвому припарки... – он повертел газету в руках и снова повторил, будто это имело решающее значение: – Старая...

– Сосульки с крыш срываются каждую зиму! – отчеканила Тамара. – Между прочим, позапрошлой зимой огромная сосулька едва не проткнула насквозь нашу Лиманскую.

– Нашу Лиманскую?!

– Именно!

– Впервые слышу!

– Ты, милый, просто не запоминаешь информацию, которая тебя не интересует. А Лидолия Николаевна, между прочим, неоднократно пересказывала эту историю, притом, в твоём присутствии.

– Хм! Ладно! – он вернул жене газету. – Видишь ли, Тома, мне не хотелось бы тебя разочаровывать, но это ведь не способ убийства. Это просто несчастный случай. Можно добавить – нелепый. Назови его как хочешь, но организовать убийство падающей сосулькой невозможно. Абсолютно! Если, конечно, подойти к делу по науке. Даже для игры это слабовато. Нет никакого практического смысла.

– Ах, так! – нежданно развеселилась она. – А ну-ка, одевайся!

– Что такое?

– Проводишь меня до остановки. Десять минут у нас еще есть. А по дороге я покажу тебе на конкретном примере, какой тут практический смысл!

Дом на краю парка

Вообще-то по улице, на которую выходил дом Завесовых, курсировал рейсовый автобус, но так редко, что его обычно ждали одни пенсионеры. Зато всего в семи-восьми минутах ходьбы отсюда пролегал шумный проспект, изобилующий всеми видами городского транспорта. Попастись на проспект можно было несколькими путями. Тамара предпочитала ходить через парк, к которому примыкал одним своим углом их тихий квартал. Именно этой, привычной дорогой и повела она сейчас мужа.

По большому счету, парк – озелененный прямоугольник размером с футбольное поле – более заслуживал именоваться сквером, но окрестные жители подчеркнуто церемониально величали его исключительно парком. По всем направлениям парк пересекала целая сеть дорожек, лишь часть которых была когда-то спланирована озеленителями, остальные же возникли стихийно, соединив по кратчайшим линиям самые бойкие пятачки. Своей «парадной» частью парк выходил на проспект, а его боковыми границами служили совсем коротенькие улочки.

Настоящих заморозков покуда не было, и вековые деревья не спешили сменить свой все еще изумрудный наряд на более приличествующий началу октября.

Несмотря на незначительные размеры парка, в нем име-

лись особенные уголки. Отдельно кучковались пенсионеры, грелись на утреннем солнышке молодые мамы со своими укутанными чадами, на дальней лужайке выгуливали своих питомцев любители собак, а вокруг колченогой скамейки, втащенной в гущу кустарника, собрались местные бомжи и выпивохи. По двум самым широким и утоптаным дорожкам, ведущим к остановкам транспорта, нескончаемой вереницей тянулся народ. И только сектор, примыкающий к левой боковой границе, производил впечатление некой запущенности.

Именно сюда и повернула сейчас Тамара.

Супруги приблизились к металлической, частично демонтированной решетчатой ограде, за которой проходила пустынная сейчас полоска вздыбленного, разбитого асфальта. Не наблюдалось никого поблизости и со стороны парка. Две три группы кустов сирени, будто нарочно, заслоняли Завесовых от любопытных глаз.

Практически всю противоположную сторону улочки занимал помпезный шестиэтажный дом старой постройки. Любой старожил мог бы рассказать, что еще каких-то семь-восемь лет назад на первом этаже этого здания располагались весьма популярный гастроном и еще с полдюжины небольших магазинчиков. В ту пору на этой улочке царил оживление с утра до позднего вечера. Но вот оказалось, что старое здание дало опасную усадку. Его срочно вывели в капремонт, а жильцов расселили. Ремонт начали бойко, но рабо-

ты вскоре прекратились. Объект законсервировали. То есть, обнесли дощатым забором, заколотили окна первого этажа металлическими листами, а на тротуаре вдоль фасада устроили дощатый проход для пешеходов. С навесом и перилами. За последующие годы от прохода остались лишь отдельные фрагменты. Тротуар, понятно, тоже никто не чинил. В еще более ужасающем состоянии пребывала проезжая часть улочки, которую раз в два года раскапывали, чтобы устранить очередную аварию проходящей под ней теплотрассы.

Вообще-то, по этой улочке до остановки было чуть-чуть ближе, чем через парк. Но уж больно неприглядной она выглядела! Не только Тамара, но и другие соседи предпочитали ходить через парк. А местные автолюбители старались не сворачивать в эту улочку, покрытую колдобинами и рытвинами после серии авральных земляных работ.

– Именно с этого дома и сорвалась сосулька, чуть не про-
ткнувшая нашу Лидолию Николаевну, – сообщила Тамара.

– Какие же черти ее сюда занесли? – удивился Гена. – Наши люди по таким трущобам не шастают.

– Ее занесло сюда чувство гражданской ответственности, – рассмеялась Тамара. – Помнишь, в ту зиму мы целую неделю сидели без отопления? Опять прорвало трубу, и водока-
нал в очередной раз вскрыл улицу. Естественно, наша старая кляча, как общественница-активистка, отправилась про-
контролировать ход ремонта, чтобы при случае дать ценные указания.

– Да, припоминаю, тогда стояли сильные морозы. Погоди-ка, но как же в мороз могла упасть сосулька?!

– А вот слушай. Лиманская встала во-он на той точке и уже вступила в перебранку с прорабом, когда раздался свист и в каком-то метре за ее спиной в обледенелый асфальт врезалась огромная сосулька, сорвавшаяся с крыши. Тарараму было!

– Мне все-таки непонятно, почему в сильный мороз упала сосулька?

– От вибрации, Геночка...

– Ах, да! – он хлопнул себя по лбу. – Тогда ведь вдоль всей улицы работал тяжелая техника. Вся округа содрогалась будто при землетрясении. Ясно...

– А теперь обрати внимание, откуда именно упала сосулька. Видишь, особенность этого дома в том, что балконы есть только на пятом этаже. Каприз архитектора. Но и балконы не все одинаковые. Два из них отличаются от других. Видишь, они похожи на коконы, наполовину выступающие из здания. Такие балконы называются эркерами, или фонарями. Снизу их поддерживают облупившиеся скульптуры. То ли атланты, то ли амурчики, уже не понять. Возле одного вплотную проходит дырявая водосточная труба. Вот в зазорах между трубой и скульптурой и вырастают сосульки. Очень массивные. Каждую зиму. Я и раньше обращала на это внимание. Поскольку хожу там иногда. А после случая с Лиманской многие соседи по улице тоже говорили, что всегда боялись хо-

дить мимо этого дома зимой. Мол, того и гляди, сосулька свалится на голову.

– Да таких домов в Питере тысячи! – воскликнул Геннадий. – С иных сосульки свешиваются гроздьями. Особенно в центре. Идешь по узкому тротуару и все время задираешь голову, как бы тебе не сварганилось на темечко чего сверху с крыши. А тротуар-то скользкий как каток! Вот и выворачиваешь один глаз наверх, второй – вниз...

– погоди, Генчик, не отвлекайся... Вернемся к нашей игре. Итак, нам известно место, где вырастает гигантская сосулька. Нам также известно, что эта сосулька падает не обязательно в оттепель, значит, мы получаем большую свободу маневра. В смысле выбора подходящего момента для финальной акции.

– Так-так-так... – потер переносицу Геннадий. – Но это ровным счетом ничего не меняет. Ладно – выбрали подходящий момент. А чем сбивать сосульку? Отбойным молотком, что ли? А главное, как угадать, чтобы нужный человек оказался в этот подходящий момент в нужной точке? Вот где собака зарыта!

Тамара мягко улыбнулась:

– А ведь это самое простое.

– Это – самое простое?!

– Ладно, говори, я послушаю.

Она снова указала рукой на пятый этаж:

– Смотри, оба эркера расположены по центру здания. А

между ними поместился еще один маленький балкончик, открытый. Они посажены так тесно, что человек, находящийся на балконе, мог бы обмениваться рукопожатиями со своими соседями в эркерах. Каприз архитектора.

– Ну?

– А теперь представь, что наш объект в какой-то момент оказывается строго под маленьким балкончиком между эркерами. Он что-то собирает с тротуара. Может, даже припал на колени. Вот тебе идеальная мишень. И тут сверху летит, нет, не сосулька, а приготовленная заранее ледяная бомба, еще более массивная, чем сосулька. Удар, и фишка повержена. Игра закончена.

– Хм! Ледяная бомба... Это уже кое-что. А что он будет собирать с тротуара? И почему?

– Допустим, апельсины. Или орехи. А почему – это мы еще обговорим.

– То есть, ты хочешь заранее высыпать на тротуар орехи? И рассчитываешь, что он будет их подбирать? Пашка Плафонов?

Она шутливо шлепнула мужа по лбу:

– Ну, Генчик, ну, зачем ты изображаешь из себя такого тугодума?! Ты же не такой! Злишь меня, да? Или еще не проснулся?

– Том, я действительно не понимаю. Идет человек домой поздним вечером, пьет на ходу свое пиво или чего покрепче, вдруг видит под ногами орехи... И что? Он будет их подби-

рать? А если он вообще их не заметит? И с чего ты вдруг решила, что он пойдет домой здесь, по этой улочке?! Я, например, знаю точно, что он всегда ходит через парк.

– Все вывалил в кучу, господин скептик? Или еще оставил вопросы? Ладно, теперь слушай ответы. Он пойдет мимо этого дома, потому что его поведу я.

– Ты?! – Геннадия даже передернуло.

– Да, я. А что тебя удивляет? Мы с ним как бы случайно встретимся перед магазином, где он обычно покупает свое вечернее пиво и, как добрые соседи, вместе отправимся домой...

– Так-так-так... Встретитесь, значит, перед магазином? Томочка, да ведь Пашка возвращается домой около десяти! Ты в это время всегда уже дома. Ваша встреча будет выглядеть очень подозрительно. Не для Пашки, конечно. В свете последующих пересудов.

– Не проблема. Допустим, с ноября я запишусь в бассейн. Или на лечебную гимнастику. С таким расчетом, чтобы возвращаться домой примерно в одно время с ним.

Причем, у нас состоится несколько таких якобы случайных встреч. О них будет знать достаточно широкий круг наших знакомых. Эта просто будет очередной. Само собой, начиная, может, уже с сегодняшнего вечера, я нормализую свои отношения с Пашенькой. Снова стану для него любезной и общительной соседкой.

– Ладно, – сдался Гена. – Это вполне реально. Идем даль-

ше.

– Итак, мы встретились случайно возле магазина... У меня в руках будет тяжелая сумка и легкий пакет. Паша, как джентльмен, возьмет, конечно, сумку. Пакет останется у меня. И вот мы движемся в сторону дома...

– Стоп, а если он захочет повести тебя через парк?

– А я замечу на это, что через парк ходить боюсь. Там, мол, гололед, и я уже трижды падала. Не волнуйся, Генчик, я сама поведу его нужной дорогой. Что же касается тебя...

– Я, очевидно, в этот момент должен находиться на балконе?

– В комнате за балконом, – уточнила она. – А на балконе будет лежать уже приготовленная к пуску ледяная бомба. В руке у тебя мобильник, возьмешь на этот вечер у детей. Мой со мной. Когда мы с Пашей свернем с проспекта в улочку, я позвоню тебе. Дескать, милый, я иду, поставь чайник на газ. И не волнуйся, мол, встречать меня не нужно, потому как со мной рядом наш сосед. Для тебя это сигнал к действию.

Гена поежился:

– Аж мороз по коже! Но пока все соответствует.

– Ты легко разглядишь нас из крайнего эркера. На углу горит яркий светильник, и я проведу Пашу как раз под ним. Чтобы ты не перепутал нас с какой-нибудь похожей случайной парочкой, ведь надо предусмотреть и такой вариант. Но вот мы свернули. Идем медленно. До акции остается две-три минуты. Вполне достаточно, чтобы установить бомбу в ра-

бочее положение.

– Так-так-так...

– Под первым эркером я споткнусь и уроню пакет. Его содержимое рассыплется. Ну, апельсины или там орехи. Надо посмотреть, что лучше катится. И чтобы это было еще неудобно собирать. Тут надо потренироваться. Чтобы хоть несколько плодов обязательно укатились под балкон.

– Теперь я понял, – вздохнул Геннадий.

– Вот и умничка, – поощрительно улыбнулась она. – Итак, я упала. Мои орехи рассыпались. Паша, любезный кавалер, тут же бросается мне на помощь. Я жалуюсь на боль в колене. Он сочувствует. Успокаивает. Но вот я улыбаюсь. Настал черед собирать орехи. Он наклоняется. Дальше рассказывать?

– Ну ты даешь, подруга! – воскликнул потрясенный Геннадий. – Не ожидал. Ей богу, не ожидал! Тебе бы романы писать!

– Пашкиного слога у меня нет, милый. А то попробовала бы. Да, и последняя деталь. Осколки ледяной бомбы могут показаться кому-то странными. Поэтому, после того, как все произойдет, я подтолкну самые крупные из них на люк теплотрассы, во-он на тот самый. Они сейчас теплый, а зимой от него столбом валит пар. Ледышка успеет основательно подтаять... И все. Никаких следов. Ну? Что скажешь? – она вопросительно посмотрела на мужа.

– У меня в голове не укладывается, как ты все это ловко придумала!

– Мне всего-навсего попалась на глаза старая заметка, а всё остальное приложилось.

– Тут и конец веревочке! То есть, игре! – резюмировал Геннадий. – Ты все расписала так подробно, что мне совершенно нечего добавить.

– О чем ты говоришь, Геночка! – всплеснула она руками. – Игра только начинается. Мы всего лишь обрисовали условия и наметили план. Самый общий. А детали? Например, ледяная бомба. Как ее изготовить? Как подвесить? Как освободить в нужный момент? Сколько времени она будет лететь до земли? Я понятия не имею. Это должен придумать и подготовить ты, с твоей светлой головой и золотыми руками. А какова обстановка внутри здания? Может, там все двери намертво заколочены или заварены, и к балкону вообще невозможно подобраться? Тогда и план нуждается в серьезной корректировке.

– Ты предлагаешь мне забраться внутрь? – изумился он, кивая на расселенный дом.

– Ну, Генчик... – просяще улыбнулась она. – Ну, не смотри так. Это же просто игра. Ну, ты же дал слово отнестись серьезно!

– Нет, я просто не думал, что надо что-то делать конкретно, – развел он руками. – Я думал, мы будем сидеть на диване за чашкой кофе и сочинять этот сюжет дальше.

– Именно так и будет, – кивнула она. – Но чтобы развивать игру, необходимо учитывать реальные подробности. Только

и всего.

Он поднял голову, окинув взглядом закопченный фасад дома, нижний этаж которого был сложен из пиленого камня, а верхние из темнокрасного кирпича, дома, дома, который, несмотря на свою запущенность и широкую трещину, как бы разрубавшую его от крыши до каменной кладки, все еще производил величественно-мрачное впечатление.

– Да какие проблемы, Томчик?! Вот схожу за картошкой, а после прошвырнусь по этому бомжатнику...

– Хорошо, что напомнил! – она предостерегающе вскинула указательный пальчик. – Когда пойдешь в свою разведку, осмотрись внимательней, нет ли внутри бомжей. Нам не нужны лишние свидетели... – тут она глянула на часики и вскрикнула: – О, боже, вот что значит увлечься! Я же опаздываю... Все, милый! Не провожай меня дальше! – приблизилась вплотную: – Генчик, сделай все, о чем я прошу. А главное – отдохни днем как следует, потому что... – она прижалась к нему и, встав на цыпочки, быстро-быстро пощекотала языком мочку его уха, – потому что вечером я тебе не дам уснуть... долго... Я тебя люблю, мой хороший!

– Я тебя тоже люблю! – он прижал ее к себе.

Но вот она высвободилась и быстрым шагом направилась к остановке.

Почему бы и нет?

Попрощавшись с женой, Геннадий двинулся в обратный путь. Неспешно. А куда ему торопиться? У него сегодня выходной...

Почти бессонная ночь, неожиданная (и желанная!) нежность жены, ошеломительный проект игры «Убей соседа!» – всё это смешалось в голове, возбуждая свежие мысли.

Он остановился, с неожиданным интересом оглядевшись по сторонам.

А ведь Тамара права. Чего ради отсюда переезжать? Здесь всё своё, родное, знакомое...

Вот на этом пяточке, уже на выходе из парка, они с Тамарой познакомились одиннадцать лет назад (около того). При весьма романтических обстоятельствах.

Собственно, в тот слякотный мартовский вечер он выслеживал ее. Да-да, выслеживал. Увидел в автобусе хорошенькую девушку и влюбился в нее с первого взгляда. Два-три раза перехватил ее мимолетный – строгий – взгляд и... на него накатила волна непривычной робости. И всё же план действий сложился сам собой. Геннадий решил сойти вместе с девушкой на ее остановке, незаметно, держась на приличном расстоянии, сопроводить ее до дома, а там – там будет видно. Главное, не дать ей исчезнуть в толчее огромного,

плохо знакомого ему города.

Он двинулся за ней через пустынный полутемный парк. Погода стояла скверная, шел дождь пополам со снегом, задувал колючий ветер.

И вот на этом самом пяточке на Тамару напали трое отморожков. Похоже, наркоманов, которым во что бы то ни стало надо было раздобыть денег на косячок. Заприметив одинокую девушку в шубке, с сумочкой в руке и посчитав, очевидно, что верещать она не станет, они вышли из укрытия, окружив ее кольцом.

Девушка оказалась не робкого десятка – принялась отбиваться, лягаться и кричать. Тут и Геннадий подоспел. А уж бойцовскими качествами бог его не обделил. Схватка была короткой, но яростной. Нападавшие, прихрамывая, позорно бежали с поля боя. Один, правда, успел прихватить с собой ее сумочку. Геннадий догнал похитителя, сумочку отнял, наградил придурка мощным пинком под зад, после чего вернулся к прекрасной незнакомке, протягивая ей трофей. В горячке он даже не заметил, что и ему досталось: губа была разбита, и кровь тоненькой струйкой стекала к подбородку. Мужественному подбородку с ямочкой. Кроме того, был надорван рукав его куртки.

Тамара вытерла ему кровь своим платочком и тут же пригласила доблестного защитника к себе домой, дабы он мог привести себя в порядок.

Так, в один вечер, Геннадий познакомился не только с де-

вушкой своей мечты, но и с ее матерью Полиной Викторовной – культурной и образованной молодежной дамой, коренной ленинградкой.

Узнав о происшествии, Полина Викторовна поначалу переполошилась: никогда, мол, в нашем тихом уголке не бывало ничего подобного! И каким только ветром занесло сюда этих хулиганов?!

(А Геннадий был несказанно рад. До чего же вовремя появились эти придурки!)

За чаем, приглядевшись к защитнику, Полина Викторовна учинила ему форменный допрос: кто таков? Чем занимается? Где живет?

Геннадий ничего не скрывал: двадцать один год, родом из забайкальской глубинки, вся родня по-прежнему обитает там, а он решил после армии остаться в Питере, пустить здесь корни. Основная профессия – водитель, но знает и столярное дело. Пока работает на стройке, зато сразу дали временную прописку и место в общежитии. Ничего, он сильный – пробьется...

Похоже, своим зорким женским глазом Полина Викторовна, что дело тут серьезное. Конечно, она желала для своего дочери-студентки другого жениха – более образованного, более перспективного и обеспеченного. Но ей хватило ума понять, что изменить что-либо уже не в ее власти.

Через какой-то месяц Геннадий перебрался под новую крышу.

Да, это была коммуналка. Но какая! Закачаешься! И суть не в том, что после многолюдного, шумного общежития, после уютной комнаты на восемь человек любое отдельное помещение показалось бы ему раем.

Нет, эта коммуналка действительно была нетипичной. Дворец, а не коммуналка!

Во-первых, размещалась она не в обшарпанной развалюхе старой постройки и не в блочной многоэтажке, а в аккуратном двухэтажном коттедже, занимая его целиком.

Коттедж стоял в ряду трех дюжин точно таких же особнячков. Геннадий даже не подозревал, что в северной столице, с ее перенаселенностью, с ее неухоженными проходными дворами и с замусоренными пустырями в спальных районах, есть такие тихие, симпатичные уголки!

Потрясла его и сама квартира: двухуровневая, с огромной общей гостиной, с витой лестницей и антресолями. Да еще огороженный участок вокруг дома: хочешь – ставь гараж, Хочешь – копай грядки и выращивай петрушку! Идиллия!

Уже позднее Геннадий узнал, что этот мини-городок был построен когда-то специально для сотрудников некоего закрытого, весьма престижного НИИ, в котором работала и Полина Викторовна. Строили по самым современным на ту пору меркам – по «формуле будущего»: одна комната на каждого члена семьи плюс общая гостиная на семью. Проектировщики исходили из расчета, что средняя семья состоит у нас из четырех человек. То есть, в каждом коттедже име-

лись четыре жилые комнаты, одна гостиная общего пользования плюс подсобные помещения.

Но когда дело коснулось распределения, то выяснилось, что большинство потенциальных новоселов – люди малосемейные. Вот и пришлось давать кому комнату, кому две. Зато общая – проходная – гостиная так и осталась общей и даже была обставлена мебелью за счет ведомства.

Геннадий ничуть не удивился, узнав, что обитатели коттеджей называют этот уголок «нашей деревней». Своего рода сельская идиллия. Со всеми удобствами мегаполиса.

Когда городок только еще возводили, здесь была городская окраина. Но очень скоро, благодаря прокладке новой линии метро, этот район стал бурно застраиваться и обрел статус престижного.

Здания современной архитектуры, торговые центры, магазины, рынки, кафе, транспорт, вся полагающаяся инфраструктура... И тихий уголок в сердце этого района – «наша деревня»...

Если обитаешь в коммуналке, то чрезвычайно важно, кто твои соседи. Бывают опасные соседи, бывают буйные, шумные, сволочные, скандальные, чокнутые...

Люди, которых Геннадий встретил в этой коммуналке, будто сошли с кадров старых добрых кинолент. Классические ленинградские интеллигенты – вежливые, культурные, обходительные, любезные, необыкновенно терпеливые, толерантные и всепонимающие... Не то что мата – грубого сло-

ва от них не услышишь!

Полина Викторовна и Тамара занимали две комнаты на антресолях. Вторую комнату Полине Викторовне дали за ее ответственную должность (завлабораторией) и кандидатское звание. Будь семья побольше, ей могли бы дать и отдельный коттедж. Между прочим, бывалые люди советовали Полине Викторовне заключить с этой целью фиктивный брак. Но та с негодованием отвергла столь недостойное предложение.

Третью комнату на антресолях занимал старенький изобретатель, о котором говорили, что он – современный Кулибин. Это был в высшей степени деликатный человек, готовый на любые самоограничения ради спокойствия ближнего. Вдобавок, он месяцами пропадал на каких-то испытательных полигонах.

Наконец, единственную комнату внизу занимала профсоюзная активистка Лиманская-старшая с великовозрастной дочерью Лидолией. Похоже, активистка была всё-таки чуточку уязвлена, что ей дали на двоих только одну комнату, а Полине Викторовне – тоже на двоих – две. Но это недовольство проявлялось лишь в форме намеков, когда иной раз, пыхтя «Беломором», Лиманская-старшая пускалась в туманные рассуждения о принципах социальной справедливости.

В целом же, коммуналка жила дружно. Вместе справляли праздники, дни рождения, выручали друг друга до полочки, взаимно выполняли мелкие поручения – купить хлеб, ке-

фир, ну а если, не дай бог, кто-либо заболел, то его выхаживали всей коммуналкой.

О кухонных скандалах здесь понятия не имели, к давлению быта относились с тем же философским спокойствием, что и к давлению атмосферному.

Геннадий вполне вписался в этот сложившееся сообщество.

Рядом с ним Тамара оставалась восторженной молодой женщиной, будто стесняющейся твердости своего характера, проявления которого нет-нет да и давали о себе знать. К примеру, она отвадила от дома всех своих институтских подруг, видимо, ревнуя их к Защитнику, который, между прочим, не давал ей ни малейшего повода к тому. Геннадий тоже не стал приглашать в дом своих товарищей по работе – но не из ревности, а опасаясь их грубоватости. Супругам и вдвоем было хорошо.

Через некоторое время Полина Викторовна перешла на работу в одну весьма солидную фирму со смешанным капиталом. Е. заработки существенно возросли. Когда родились внуки (Сережа, а через год Дима), она даже оплачивала няню, чтобы Тамара смогла закончить свою учебу в университете по курсу менеджмента и рекламы.

А еще через год в канун третьей годовщины их свадьбы Полина Викторовна сказала им следующее:

– Вот что, дети! Я вижу, семья у вас сложилась. Крепкая семья. Пора бы вам подумать об отдельном жилье. Сегодня я

открыла в одном коммерческом банке счет на предъявителя, куда буду ежемесячно перечислять энную сумму. Если всё пойдет хорошо, то лет через семь-восемь вы сможете купить себе трехкомнатную квартиру в приличном районе. Если хотите сократить этот срок, то постарайтесь и сами что-нибудь заработать. А я останусь здесь, с соседями...

Но всё получилось не так.

Вскоре в коммунальной квартире начались большие перемены.

Нежданно для всех умерла Лиманская-старшая, казавшаяся вечной. Простудилась на каком-то предвыборном митинге, затемпературилась, слегла, да так уж и не поднялась.

Еще через год – тоже неожиданно для всех – старичка-изобретателя забрали в Москву на какую-то важную должность. С предоставлением двухкомнатной квартиры. «Кулибин» оказался не таким-то уж одуванчиком. В свою комнату он прописал какого-то дальнего родственника, которого, впрочем, в коммуналке мало кто видел, ибо тот сразу же включился в длинную цепочку обмена-купли-продажи. В результате в комнату «Кулибина» въехал журналист Плафонов.

Поначалу Геннадий немало встревожился. Журналист – важная птица. А ну, начнет качать права! И ведь не тронь его, мигом найдутся могущественные заступники!

Но, увидев Плафопова, он сразу же успокоился. Этот человек не был опасен. И никаких особых прав качать не со-

бирался. Да и журналист он был не из первых – работал в бульварной газетке. Желтая пресса, как ее называют.

Под шумок Геннадий занял тогда площадку на антресолях, на которую уже давно точил зуб. Просто вынес сюда всякие коробки и мешки и загородил ими проход. Плафонов так и не врубился, что антресоли – это места общего пользования. А Лиманская-дочь на второй этаж практически не поднималась.

Зато через полгода она загремела в психушку.

И опять, пользуясь случаем, супруги Завесовы расширили свои владения – заняли чулан на первом этаже. Это только название такое – чулан. А фактически – это комната площадью двенадцать квадратов. Хотя и без окон. Геннадий привел сюда свет, навесил вдоль стен длинные полки, а в дверь врезал ригельный замок. Был чулан – стала мастерская. Мало ли что приходится чинить по дому!

Паша не возникал. Похоже, этот белоручка ни одного гвоздя в жизни сам не забил.

Лиманская после выписки принялась было ворчать, но Геннадий великодушно пообещал, что если у нее что-нибудь сломается, то он починит без промедления и качественно. Притом, Лиманской и хранить-то в чулане было нечего.

Чулан, как и антресоли, остался за Завесовыми.

А еще через год стряслась большая беда.

Полина Викторовна скоропостижно скончалась в своем рабочем кабинете. Сердечная недостаточность. Позднее до

Завесовых дошли слухи, что Полина Викторовна умерла не сразу. Если бы кто-нибудь заглянул в ее кабинет и вызвал скорую, то ее еще можно было спасти. И вот ведь какой парадокс: дверь в ее кабинет практически не закрывалась, сотрудники один за другим тянулись с какими-то вопросами, а в тот день – как отрезало!

Второй мощный стресс обрушился на супругов через неделю после похорон, когда они узнали, что коммерческий банк, в котором Полина Викторовна хранила не только вклад на будущую квартиру, но и все свои прочие личные сбережения, лопнул самым преступным образом...

Вот тут-то, кажется, Тамара и перестал стесняться как твердости своего характера, так и остроты своего язычка. Именно в этот период она впервые заговорила об удаче, которая приходит и уходит, независимо от личных качеств ожидающего.

Праздников совместно более не отмечали, но периодически угощали друг друга выпечкой и вареньем. Именинников поздравляли, за больными ухаживали. Лиманская и Плафонов то и дело пикировались между собой, но как-то тихо, по-домашнему. Пикировались и следом мирились.

Вот так незаметно – от события к событию – в их «элитной» коммуналке сложилась новая обстановка, контры которой сохранялись и поныне.

На общей кухне (да и в общей гостиной) решающее право голоса принадлежало теперь Тамаре. Плафонов вообще по-

баивался ее, Лиманская могла пуститься в пустяковый спор, но всё равно всегда выходило так, как наметила Тамара.

По сути, Завесовы стали здесь неформальными хозяевами.

А минувшим летом у них появилась реальная надежда сделаться уже юридическими владельцами всей квартиры. Всё шло к тому, но...

Тамара права: удача подразнила их и отвернулась.

Ладно, не надо лишний раз беречь рану...

Всё еще погруженный в воспоминания, Геннадий обвел взглядом «нашу деревню».

Вот идет вечно озабоченная Эмма – «наш почтальон Печкин», на перекрестке метет тротуар громкоголосая уборщица Шура, рядом подстригает живую изгородь бравый ветеран Иван Кондратьевич, а чуть дальше выходит из калитки почтенный профессор университета...

Вокруг – только знакомые лица, с любым из соседей по «деревне» можно перекинуться словечком, покалякать на ходу о том о сем, зная, что и ты здесь свой, что если вдруг в твой дом сунется чужак, то это не останется без должной реакции...

Нет, хорошо и спокойно в «нашей деревне»! Это тебе не район многоэтажек, где даже соседи по подъезду не всегда знают друг друга в лицо, и не «двор чудес», где опустившиеся люди собачатся между собой с утра до ночи...

Геннадию вдруг припомнилось, что когда он только обос-

новался здесь, то примерно три четверти всех коттеджей являлись коммуналками. А сейчас коммунальных квартир осталось всего три-четыре. На тридцать шесть коттеджей.

Люди как-то сумели подсуетиться, расселить соседей... По взаимному согласию – без всяких убийств... А уж став владельцем всего домика, каждый начал обживаться всерьез и надолго. Многие сделали евроремонт, обновили фасад, пристроили большую веранду, поставили удобный гараж, беседки, увитые плющом, разбили под окнами цветники и клумбы, обнесли свои участки плотной живой изгородью, врезав в нее металлические ворота и калитки на кирпичных столбиках... Некоторые устроили даже крытые бассейны...

И лишь коммунальных коттеджей не коснулись приятные перемены.

Всего три-четыре домика. В том числе тот, где обитают они, Завесовы. Вот что всё сильнее бесит Тамару! Нет, она вовсе не рвется в ряды первых, но и быть среди последних не желает.

«Что мы скажем детям, когда они подрастут еще немного? – спрашивала она и раньше. – Что мы – неудачники? Что не можем заработать на достойное жилье?» Ну а минувшее лето...

Ладно! Вот придет следующее лето, и всё изменится к лучшему. Он раскрутит свой малый бизнес и, глядишь, через пару-тройку лет у них появятся деньги, чтобы отселить

сначала Пашку, затем – Лиманскую.

А пока...

Что ж, пока поиграем в игру «Убей соседа!»»

Журналист и одинокая женщина

Войдя в прихожую, Геннадий закрыл за собой дверь и принялся переобуваться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.